

Ю.А.Нисневич

**ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ
ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ТРАНЗИТА**

Ключевые слова: государство, трансформация, постиндустриальный транзит, феномены XX в.

Институт государства, как и любой другой политический институт, непрерывно эволюционирует и видоизменяется в ходе исторического процесса. Происходящие в настоящее время трансформации института государства обусловлены постиндустриальным транзитом – переходом к постиндустриальному развитию, который предопределили политические, социальные, экономические и технологические феномены XX в. Эти же феномены оказали и оказывают значительное влияние на развитие современного государства, определяют направления его трансформации.

Феномен, относящийся к политической сфере, был впервые зафиксирован Фрэнсисом Фукуямой, который охарактеризовал его как «конец истории». Раскрывая смысл данного феномена, Фукуяма писал: «...Я настаиваю, что либеральная демократия может представлять собой “конечный пункт идеологической эволюции человечества” и “окончательную форму правления в человеческом обществе”... Хотя какие-то современные страны могут потерпеть неудачу в попытке достичь стабильной либеральной демократии, а другие могут вернуться к иным, более примитивным формам правления вроде теократии или военной диктатуры, но *идеал* либеральной демократии улучшить нельзя»¹. Иными словами, «конец истории» есть некая идеальная перспектива постиндустриального развития, суть которой в существенной (но не абсолютной) универсализации политических и государственных порядков на основе базовых либеральных ценностей и принципов демократии.

Поскольку «либерализм и демократия, хотя и тесно связаны между собой, – это отдельные понятия»², в феномене «конца истории» можно выделить два компонента: институциональный и ценностный.

Институциональный компонент состоит в том, что доминирующей формой организации современного политического и государственного порядка стала полиархическая демократия, основанная на свободе выбора³ и предполагающая, по выражению Адама Пшеворского, «неопределенность результатов при определенности процедур»⁴.

Конечно, демократия постоянно эволюционирует; более того, мы не найдем в мире двух абсолютно одинаковых демократий, поскольку конкретные демократические практики во многом зависят от национально-исторической специфики общества. Тем не менее имеются общие для всех национальных моделей процедуры и механизмы, которые отличают демократию от иных форм организации политического и государственного порядка⁵.

Тот факт, что с конца XX в. демократия занимает доминирующее положение в мире, подтверждают исследования «Freedom House». С 1989 г. в рамках проекта «Свобода в мире» («Freedom in the World») специалисты «Freedom House» оценивают, какие из существующих в мире государств являются электоральными

¹ Фукуяма 2007: 7.

² Там же: 85.

³ О полиархической демократии как «власти многих» см. Даль 2000: 90.

⁴ Цит. по: Мельвиль 2007: 124.

⁵ О процедурах и механизмах современной демократии см. Нисневич 2007: 12–15.

демократиями. Электоральная демократия предполагает наличие конкурентной многопартийной системы и всеобщего избирательного права, регулярное проведение свободных и честных выборов при тайном голосовании, открытость избирательной кампании и доступ всех партий к средствам массовой информации⁶.

Данные об изменениях количества электоральных демократий в мире с 1989 по 2010 г. приведены в *табл. 1*.

Таблица 1 Электоральные демократии в 1989–2010 гг.

Год проведения исследования	Общее число государств	Число электоральных демократий	Доля электоральных демократий (в %)
1989	167	69	41
1990	165	76	46
1991	183	89	49
1992	186	99	53
1993	190	108	57
1994	191	113	59
1995	191	115	60
1996	191	118	62
1997	191	117	61
1998	191	117	61
1999	192	120	63
2000	192	120	63
2001	192	121	63
2002	192	121	63
2003	192	117	61
2004	192	119	62
2005	192	123	64
2006	193	123	64
2007	193	121	63
2008	193	119	62
2009	193	116	60
2010	193	115	60

Принципиально важным представляется то обстоятельство, что во многих из тех государств, которые в настоящее время не включаются «Freedom House» в число электоральных демократий, на уровне конституций закреплены демократические нормы. Примером могут служить все государства постсоветского пространства, где пока еще действуют авторитарные политические режимы, в частности Белоруссия, Россия и Таджикистан, а также такие государства, как Венесуэла, Гондурас, Кения, Нигерия и т.п. Не отказываются от демократических декораций и государства советского типа – Демократическая республика Конго, КНДР, Лаос и другие. Такая ситуация, как отмечает Фукуяма, есть следствие «набирающего силу мнения, что в современном мире единственный легитимный источник власти – демократия»: в сложившихся условиях «даже самые твердокаменные диктаторы считают себя обязанными получить хотя бы налет демократической легитимности, устроив выборы»⁷.

⁶ Freedom 2011: 27.

⁷ Фукуяма 2007: 56–57.

Таким образом, демократия как приоритетная форма организации политического и государственного порядка признается и либо практически реализуется, либо имитируется подавляющим большинством (85–90%) государств современного мира.

Ценностный компонент феномена «конца истории» состоит в том, что базовая ценность либерализма – права и свободы человека – не только обрела формальное признание на мировом уровне, но и в той или иной мере воплотилась в реальной жизни многих современных государств.

Институт прав и свобод человека начал формироваться после второй мировой войны, когда мировое сообщество, принеся бесчисленные жертвы молоху тоталитарных идеологий, пришло к пониманию необходимости поиска основ, прежде всего правовых, мирного сосуществование государств и народов.

Перечень основных прав и свобод человека был зафиксирован во Всеобщей декларации прав человека (1948). При голосовании за эту декларацию воздержались лишь 8 из 58 стран, входивших тогда в ООН, и ни одна не проголосовала против. Этот документ является фундаментальной основой института прав и свобод человека, но в юридическо-правовом отношении носит рекомендательный характер.

Обязывающее правовое оформление институт прав и свобод человека получил только через 18 лет после провозглашения Всеобщей декларации прав человека – в 1966 г., когда были приняты два международных пакта – о гражданских и политических правах и об экономических, социальных и культурных правах (вступили в силу в 1976 г.). В настоящее время эти пакты ратифицировали соответственно 167 и 160 государств.

Иными словами, права и свободы человека признаются в качестве базовой социальной ценности (во всяком случае – формально-юридически) более чем 85% государств. В их числе клерикальный Иран, коммунистический Китай⁸, перманентно находящийся в состоянии гражданской войны Судан и некоторые другие страны, где на практике такие права и свободы соблюдаются лишь очень условно или вообще не соблюдаются.

Важным следствием «конца истории» стал отказ от взгляда на государство как на высший результат и цель общественного развития. Его предназначением теперь считается служение человеку и обществу, но не в форме всепроникающего патернализма, а через изменение сути государственной власти и, как следствие, целей и методов управления.

В идейно-ценностном отношении современное государство приобретает договорной характер и рассматривается как политическая ассоциация людей, передающих часть своей свободы государству. Источником власти и носителем суверенитета в договорном государстве являются его граждане, именно они определяют характер и границы участия государства в регулировании социальных отношений и наделяют его органы необходимыми для этого полномочиями.

В структурно-технологическом плане государство трансформируется в ограниченный правовыми рамками институт управления, призванный обеспечивать интересы и потребности своих граждан. В соответствии с этим с середины 80-х годов XX в. во многих странах мира начинают проводиться комплексные административные реформы по модели «Новое государственное

⁸ Китай является участником Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и подписал, хотя до сих пор не ратифицировал Международный пакт о гражданских и политических правах.

управление» («New public management»)⁹, базирующейся на либеральной трактовке предназначения и роли государства и взаимоотношений между гражданами и государственной властью.

Начало трансформации социальной основы современного государства положил феномен, который был зафиксирован еще Хосе Ортегой-и-Гассетом, определившим его как «восстание масс». Суть этого феномена заключается в том, что «вся власть в обществе перешла к массам», хотя «массы, по определению, не должны и не могут управлять собственной судьбой, не говоря уже о целом обществе»¹⁰.

Отмечая объективную предопределенность данного феномена логикой исторического развития, и прежде всего индустриализацией и демократизацией, Ортега-и-Гассет признавал, что «господство масс имеет и положительную сторону» и что «восстание масс означает огромный рост жизненных возможностей»¹¹. Вместе с тем он обращал внимание на то, что вырвавшаяся наружу социальная энергия обладает как созидательным, так и разрушительным потенциалом. Поэтому «восстание масс может предвещать переход к новой, еще неведомой организации человечества; может и привести к катастрофе»¹².

«Восстание масс» дало толчок коренной трансформации общественных связей, разрушению сословных перегородок и классовой структуры социума. Доминирующим фактором политического и социально-экономического развития стал самый массовый, средний слой со всеми его достоинствами и недостатками. Иерархия как основа социального устройства ушла в прошлое.

Массы стали выполнять те общественные функции, которые раньше были зарезервированы исключительно за избранным меньшинством. Представление о суверенитете индивида перестало быть отвлеченной правовой идеей и укоренилось в сознании рядового человека¹³. Однако культурная и нравственная неподготовленность массового человека к своей новой роли, его стремление любыми средствами удовлетворить свои потребности и вожелания чреватые разрушением всего того, что подняло его на качественно новый уровень, и может привести к регрессу в развитии социума.

Феномен «восстания масс» послужил отправной точкой для формирования массового общества, которое, будучи заражено идеями этатизма, способно стать основой тоталитарного государства. «...Фашизм – типичная доктрина массового человека»¹⁴, констатировал Ортега-и-Гассет и отмечал, что «подчинение всей жизни государству, вмешательство его во все области, поглощение всей общественной спонтанной инициативы государственной властью, а значит, уничтожение исторической самостоятельности общества, которая в конечном счете поддерживает, питает и движет судьбы человечества», есть «величайшая опасность, угрожающая сейчас цивилизации»¹⁵.

Единственная возможность избежать негативных последствий уже свершившегося «восстания масс» – превращение безликой массы, безропотного и безмолвствующего народа в людей, в множественную совокупность личностей, трансформация массового (в понимании Ортеги-и-Гассета) общества в

⁹ Мэннинг, Парисон 2003: 44.

¹⁰ Ортега-и-Гассет 1989, № 3: 119.

¹¹ Там же: 126.

¹² Там же: 146.

¹³ Там же: 124.

¹⁴ Там же: 125.

¹⁵ Ортега-и-Гассет 1989, № 4:124.

гражданское. Только становление гражданского общества как социальной основы современного государства, базовой ценностью которого является человек, его права и свободы, а движущей силой – самоорганизация и социальная активность осознающих свою гражданскую и политическую ответственность личностей, позволяет реализовать созидательный потенциал «восстания масс» и осуществить «переход к новой, еще неведомой организации человечества».

Феномен, создающий качественно новую технологическую (в широком смысле) основу постиндустриального развития, был определен американским футурологом Элвином Тоффлером как «третья волна»: «Вплоть до настоящего времени человечество пережило две огромных волны перемен, и каждая из них... уничтожала более ранние культуры или цивилизации и замещала их таким образом жизни, который был непостижим для людей, живших ранее. Первая волна перемен – сельскохозяйственная революция... Вторая волна – рост промышленной цивилизации...»¹⁶. Третья волна – это тоже рождение новой цивилизации, на этот раз вызванное революционными изменениями в техно-, инфо-, социо- и властной сфере¹⁷.

С точки зрения трансформации института государства принципиально важным представляется то, что «возникающая цивилизация пишет для нас новые правила поведения и ведет нас за пределы стандартизации, синхронизации и централизации, за пределы стремлений к накоплению энергии, денег или власти. Эта новая цивилизация, поскольку она противостоит старой, будет опрокидывать бюрократию, уменьшать роль национального государства, способствовать росту полуавтономных экономик постимпериалистического мира. Она требует новых, более простых, эффективных и демократичных правительств. Это – цивилизация со своим собственным представлением о мире, со своими собственными способами использования времени, пространства, логики и причинности»¹⁸.

Тектонические сдвиги в техносфере, порожденные «третьей волной» и связанные в первую очередь с революционными изменениями в энергетике и коммуникационных технологиях, существенным образом влияют на институт государства, так как «транспорт, средства связи и энергетические запасы – все это ограничивает размеры территории, которой может эффективно управлять единая политическая структура»¹⁹.

Эпоха доминирования таких невозобновляемых источников энергии, как уголь, нефть и газ, заканчивается. Преобладающей тенденцией в развитии энергетики становится диверсификация источников энергии и появление новых технологий энергосбережения, а также производства и транспортировки энергии и энергоресурсов. Современные государства стремятся к максимальной независимости от конкретных поставщиков энергоресурсов. Это обуславливает формирование глобального рынка энергоресурсов, разнообразных видов энергии и технологий ее производства, транспортировки и экономного потребления. Согласно прогнозу Тоффлера, «большая часть энергетических запасов будет обеспечиваться за счет возобновляемых, а не истощаемых, источников. Энергетическая база Третьей волны не станет зависеть от сконцентрированных в нескольких местах источников топлива, будет пользоваться и целым спектром разбросанных во многих местах источников энергии»²⁰.

¹⁶ Тоффлер 2004: 32.

¹⁷ Там же: 26.

¹⁸ Там же: 33–34.

¹⁹ Там же: 149.

²⁰ Там же: 233.

Формирование новой техносферы базируется на качественном совершенствовании транспортных технологий и революции в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Именно революционные изменения в ИКТ позволили Мануэлю Кастельсу квалифицировать «третью волну» как информационно-технологическую революцию²¹.

Представляется, что при исследовании постиндустриального транзита незаслуженно мало внимания уделяется роли транспортных технологий. Между тем именно транспортные технологии, активное развитие которых началось в эпоху индустриализации и ускорилось во второй половине XX в., обеспечивают сегодня быстрое перемещение практически в любую точку планеты как сырьевых, энергетических и иных материальных ресурсов и технологий, так и, конечно, людей.

Современные транспортные технологии вкупе с либерализацией миграционной политики породили еще один феномен, имеющий большое значение для постиндустриального транзита, – феномен миграционной мобильности²².

Суть этого феномена состоит в том, что население многих индустриально развитых и переходных стран, а также часть населения стран «третьего мира» получили возможность познавать и рефлексивно оценивать – не опосредованно, через других людей и средства массовой информации, а непосредственно, в ходе прямого контакта – иной по сравнению с их собственным образ жизни, иные системы морально-нравственных ценностей, иную культуру, иные обычаи и традиции, иные подходы к организации политической и экономической деятельности. Повышение миграционной мобильности во многом обусловлено современной демографической ситуацией. Как отмечает Збигнев Бжезинский, «иммиграция является экономической и политической необходимостью для более процветающих стран со стареющим населением, а эмиграция может выполнять роль клапана для регулирования поднимающегося демографического давления в более бедных и густонаселенных странах “третьего мира”»²³. Следствием повышения миграционной мобильности стало появление практически во всех индустриально развитых странах постоянно расширяющихся иноэтнических, инокультурных и иноконфессиональных диаспор, постепенное вхождение отдельных представителей этих диаспор в политические и иные элиты стран обитания.

При этом взаимопроникновение Запада и Востока, Севера и Юга (естественно, сопряженное с возникновением новых противоречий и конфликтных зон в социуме) происходит и на самом массовом уровне – на уровне межличностных отношений и коммуникаций. А каждый индивид, каждый человек получил практическую возможность в той или иной форме принимать участие в жизни всей планеты, на которой «временные и пространственные связи становятся все теснее»²⁴.

Роль и значение ИКТ в постиндустриальном развитии цивилизации трудно переоценить.

Ключевым результатом революции в области ИКТ представляется качественное изменение инфосферы, ее децентрализация, демассификация²⁵ и

²¹ Кастельс 2000: 49–80.

²² Нисневич 2007: 17–18.

²³ Бжезинский 2006: 214.

²⁴ Там же: 9.

²⁵ Тоффлер 2004: 266.

трансформация в инфокоммуникационную среду с сетевой инфраструктурой. Такая сетевая среда не просто добавляет «социальной системе совершенно новый уровень коммуникации»²⁶, но становится «нервной системой» современного социума.

«Революция в инфосфере, – констатирует Тоффлер, – столь же поразительна, как революция в техносфере – энергетической и технологической основе общества»²⁷. Революционные изменения в этих сферах влекут за собой кардинальную трансформацию социосферы, которая приобретает децентрализованный, сетевой и, что принципиально важно в условиях «восстания масс», немассовый характер.

Немассовый и сетевой характер постиндустриальной социосферы обусловлен тем, что каждый человек, овладевающий новыми технологиями, и прежде всего ИКТ, становится самостоятельным звеном в системе социальных коммуникаций, автономным источником, потребителем и распространителем информации и знаний. Одновременно – естественно, при достижении должного уровня культуры (включая правовую и политическую) и гражданской ответственности – он превращается в «базовую ячейку» гражданского общества. Другими словами, революция в области ИКТ инструментально способствует трансформации массового общества в гражданское, одним из ключевых условий формирования и функционирования которого является свободный информационно-коммуникационный обмен на межличностном и межгрупповом уровнях. Правда, как справедливо указывает Тоффлер, «ценности, как правило, изменяются медленнее, чем социальная действительность», и «у нас еще не развита этика терпимости к многообразию, которого требует и которое порождает уже немассовое общество»²⁸.

Феномен «третьей волны», как уже говорилось, по сути представляет собой «рождение в муках» новой цивилизации, что, наряду с новыми возможностями для решения глобальных проблем человечества, неизбежно вызывает к жизни и новые вызовы и угрозы. Это предопределяет объективную необходимость качественных изменений в поле политики, в том числе существенной трансформации института государства.

Обусловленные феноменом «третьей волны» трансформации института государства носят разнонаправленный характер и связаны с воздействиями на этот институт как изнутри, так и извне. «По мере того как по миру катится Третья волна, – пишет Тоффлер, – ключевая политическая единица эры Второй волны – нация-государство – трещит под давлением снизу и сверху. Одни силы стремятся перевести политическую власть с уровня государства-нации на уровень внутринациональных регионов и групп. Другие силы пытаются поднять ее на уровень межнациональных агентств и организаций»²⁹.

Ключевой тенденцией трансформации института государства «изнутри» является децентрализация. «Политические и бюрократические структуры, сложившиеся в эпоху Второй волны, неспособны к дифференцированному подходу к каждому региону или городу, к каждой религиозной, расовой, социальной, этнической или сексуальной группе»³⁰. Только децентрализация государственной власти и управления может стать адекватным ответом на

²⁶ Там же: 288.

²⁷ Там же: 298.

²⁸ Там же: 365.

²⁹ Там же: 500.

³⁰ Там же: 509.

децентрализацию и демассификацию общества и углубление социального многообразия. Игнорирование или просто недостаточное внимание к частным, групповым и локальным интересам чревато нарастанием возмущения в социуме, усилением сепаратистских и центробежных тенденций, угрожающих единству государства.

Указывая на кризис «национального государства как суверенной единицы» и сопутствующий ему кризис «той формы политической демократии, что создавалась в течение последних двух веков», Кастельс высказывает предположение, что «глобализация капитала, процесс увеличения количества сторон, представленных в институтах власти, а также децентрализация властных полномочий и переход их к региональным и локальным правительствам создают новую геометрию власти, возможно, рождая новую форму государства – сетевое государство»³¹.

Трансформации института государства под давлением «извне» предопределены тем, что, как отмечает Самюэль Хантингтон, «государственные власти в значительной мере утратили возможность контролировать поток денег, текущих в их страны и наружу, и сталкиваются со все большими трудностями в контроле потока идей, технологий, товаров и людей. Короче говоря, государственные границы стали максимально прозрачны. Все эти изменения привели к тому, что многие стали свидетелями постепенного отмирания твердого государства – “бильярдного шара”, общепризнанного как норма со времен Вестфальского мира 1648 г., и возникновения сложного, разнообразного и многоуровневого международного порядка, который сильно напоминает средневековый»³².

Утрата нациями-государствами, границы которых сложились в результате перманентных войн за территории и ресурсы, своего доминирующего значения, во многом обусловлена таким феноменом конца XX в., как глобализация.

Термин «глобализация» возник как нейтральное экономическое понятие, описывающее процессы, связанные с глобальными последствиями технологической революции. Соответствующее такому подходу определение глобализации было предложено в 2000 г. Чарльзом Дораном, который трактовал этот феномен как «взаимодействие информационной технологии и мировой экономики. Этот процесс можно характеризовать в плане интенсивности, глубины, объема и стоимости международных операций в информационной, финансовой, коммерческой, торговой и административной сферах во всемирном масштабе. Резкое увеличение масштаба этих операций в последнее десятилетие и повышение их уровня составляет наиболее поддающиеся измерению проявления процесса глобализации»³³.

Изначально глобализация «отражала новую реальность возрастающей глобальной взаимозависимости... когда национальные границы, оставаясь демаркационными линиями на карте, перестают быть реальным препятствием для свободной торговли и движения капитала», но как только ее «стали популяризировать как ключ к пониманию происходящих в наше время перемен, как вектор, определяющий их направление... глобализация стала модной идеологией постидеологической эпохи», – констатирует Бжезинский³⁴. Тем не менее, если рассматривать данный феномен не в контексте доктринальной

³¹ Кастельс 2000: 501.

³² Хантингтон 2005: 37.

³³ Цит. по: Бжезинский 2006: 184.

³⁴ Там же: 186, 188.

дискуссии, а как естественное следствие «третьей волны», становится очевидным, что речь идет о качественных изменениях не только экономического, но и политического и социального миропорядка.

Глобализация означает «процесс расширения, углубления и ускорения мирового сотрудничества, затрагивающий все аспекты современной социальной жизни – от культурной до криминальной, от финансовой до духовной», а «концепция глобализации подразумевает, прежде всего и главным образом, преодоление социальной, политической и экономической активностью пространственных границ – так, что события, решения и действия, происходящие и принимаемые в одном регионе мира, могут иметь значение для индивидов и сообществ в отдаленных уголках земного шара»³⁵.

В результате такой глобализации мир из совокупности национальных государств трансформируется в нечто совсем иное. В новом постиндустриальном миропорядке национальное государство лишается части своего суверенитета, а абсолютный приоритет национальных интересов и целей уступает место конвергенции национальных и общемировых интересов и целей. «Сегодня фактически все национальные государства постепенно переплелись с функциональными частями более крупной модели глобальных преобразований и глобальных потоков. Межнациональные структуры и отношения охватили фактически все сферы человеческой деятельности. Товары, капитал, люди, знания, связь и оружие, так же как и преступления, загрязняющие вещества, моды и верования, быстро пересекают территориальные границы. Из состояния “изолированных цивилизаций” или просто международного сообщества государств мир превратился в глобальную, внутренне взаимосвязанную систему с интенсивными моделями обмена и отчетливыми моделями власти, иерархии и неравенства»³⁶.

В этой системе происходит «интернационализация» государственных институтов. Общемировые пространства (мировой рынок товаров и услуг, трансграничное информационно-коммуникационное пространство, международное правовое пространство и т.д.) «пронизывают» национальные государства, превращая их в свою составную часть. Создаются международные политические институты и структуры, наделенные принудительными властными полномочиями и действующие поверх государственных границ. Институционализация межнациональных отношений наблюдается «почти в каждой сфере социальной активности, от экономической до культурной»³⁷.

Неизбежность изменений института государства в условиях постиндустриального транзита связана не только с тем, что вследствие децентрализации и глобализации часть государственных функций и задач передается на региональный и местный уровни, а часть уходит «наверх», приобретая трансграничный характер. Постиндустриальный транзит сопряжен с жестким столкновением старой и новой цивилизации, которое таит в себе огромную опасность, порождая новые, ранее неизвестные вызовы и угрозы.

Вместе с тем нельзя не согласиться с Тоффлером, который писал: «Несмотря на то что Третья волна бросает вызов человечеству и таит в себе опасности – от экологической катастрофы до угрозы ядерного терроризма и электронного фашизма, она не является просто кошмарным продолжением индустриализма.

³⁵ Там же: 3, 19.

³⁶ Там же: 58.

³⁷ Там же: 68.

<...> Это цивилизация, поощряющая индивидуальное развитие, приветствующая (а не подавляющая) расовое, региональное, религиозное и культурное разнообразие. Цивилизация, в значительной степени организованная вокруг дома. Цивилизация, не застывшая, но пульсирующая, непрерывно порождающая новое, и в то же время способная обеспечить стабильность тем, кто в ней нуждается. Цивилизация, которая не отдает все свои силы и энергию рынку. Цивилизация, способная направить сильные страсти в искусство. Цивилизация, стоящая перед лицом беспрецедентных в истории выборов... и необходимостью выработки новых этических и моральных норм, на основе которых этот выбор можно осуществлять. И, наконец, это демократическая и гуманная цивилизация, поддерживающая равновесие с биосферой и не попадающая в опасную экономическую зависимость от остального мира. Достигнуть всего этого – трудная задача. Но выполнимая»³⁸.

Библиография

- Бжезинский** З. 2006. *Выбор: Мировое господство или глобальное лидерство.* – М.
- Даль** Р. 2000. *О демократии.* – М.
- Кастельс** М. 2000. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура.* – М.
- Мельвиль** А.Ю. 2007. Демократические транзиты // *Политология: Лексикон.* – М.
- Мэннинг** Н., **Парисон** Н. 2003. *Реформа государственного управления: Международный опыт.* – М.
- Нисневич** Ю.А. 2007. *Аудит политической системы посткоммунистической России.* – М.
- Ортега-и-Гассет** Х. 1989. Восстание масс // *Вопросы философии.* № 3, 4.
- Тоффлер** Э. 2004. *Третья волна.* – М.
- Фукуяма** Ф. 2007. *Конец истории и последний человек.* – М.
- Хантингтон** С. 2005. *Столкновение цивилизаций.* – М.
- Хелд** Д., **Гольдблатт** Д., **Макгрю** Э., **Перратон** Д. 2004. *Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура.* – М.
- Freedom in the World 2011: The Authoritarian Challenge to Democracy** (http://www.freedomhouse.org/images/File/fiw/FIW%202011%20Booklet_1_11_11.pdf).

³⁸ Тоффлер 2004: 569–570.